

АНАТОМИЯ ФИЛОСОФИИ. РЕПЛИКИ

В.А. Лекторский
Е.О. Труфанова

КОНСТРУКТИВИЗМ В ЭПИСТЕМОЛОГИИ И НАУКАХ О ЧЕЛОВЕКЕ

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, академик РАН, главный научный сотрудник.
Институт философии РАН.
Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;
электронная почта: v.a.lektorski@gmail.com

Труфанова Елена Олеговна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник.
Институт философии РАН.
Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;
электронная почта: eltrufanova@gmail.com

Аннотация. Обсуждается специфика конструктивистского подхода в современной эпистемологии и науках о человеке. Рассматривается вопрос о проективном конструктивизме как культурной установке. Анализируется радикальный конструктивизм как идея замещения естественных процессов искусственными. Исследуется особенности конструктивистского понимания познания вообще, научного познания в особенности. Обосновывается тезис о невозможности полного контроля над миром и о том, что радикальная конструктивистская установка в случае ее реализации привела бы не к торжеству человеческой свободы, а к ее утрате. Показывается, что эпистемологический конструктивизм не в состоянии дать адекватную интерпретацию познавательной деятельности и не может быть плодотворной стратегией в науке. Отстаивается позиция конструктивного реализма как жизненной и познавательной установки.

Ключевые слова: конструктивизм, реализм, конструктивный реализм, социальный конструкционизм, виртуальная реальность, пост-человек, эпистемология, философия науки

Ссылка для цитирования: Лекторский В.А., Труфанова Е.О. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке // Человек. 2019. Т. 30. № 1. С. 102–124. DOI: 10.31857/S023620070003025-4

**В.А. Лекторский,
Е.О. Труфанова**

*Конструктивизм
в эпистемологии
и науках
о человеке*

**Участники: В.А. Лекторский, Е.О.Труфанова
Организатор проекта и ведущая — Ю.В. Синеокая**

Ю.В. Синеокая. Дорогие друзья, мы начинаем очередную встречу цикла «Реплики», совместного проекта Института философии РАН и московской городской Библиотеки им. Ф.М. Достоевского «Анатомия философии». Тема нашей беседы — конструктивизм в современных науках о человеке. Это проблема острая, она дискуссионная, привлекает ученых, работающих в разных сферах. Наши гости уже не первый раз принимают участие в проекте. Владислав Александрович Лекторский в 2015 году прочитал в этих стенах блестящую лекцию «О тексте Т. Нагеля “Что значит быть летучей мышью” (T. Nagel “What is like to be a bat”))». Елена Олеговна Труфанова в 2016 году участвовала в острой дискуссии «Парадоксы идентичности». Сегодня речь пойдет о конструктивизме как особом подходе к познанию. Существует множество разновидностей конструктивизма — от умеренных до весьма радикальных. Главный вопрос состоит в том, возможно ли сочетать представление о реальности окружающего мира и идею того, что наше знание о мире всегда конструируется субъектом? Может ли так быть, что о реальности, скрывающейся за этими конструкциями, мы ничего не знаем? Могут ли быть конструктами такие понятия, как «мужчина» и «женщина», «болезнь», «атом», «личность» и др.? Можем ли мы вообще что-либо знать о мире? Какие

В.А. Лекторский. Сегодня конструктивистские концепции активно обсуждаются в психологии, социологии, других науках о человеке. Будущее нашей цивилизации связывают с искусственным (то есть сконструированным человеком) интеллектом и с цифровизацией всей жизни. Выдвигаются проекты трансформации тела и психики человека и даже создания «пост-человека». Журналисты рассуждают о том, что мы живем в мире виртуальной, то есть сотворенной человеком реальности, в потоках льющейся отовсюду информации, в которых невозможно разобраться, различить правду и ложь, и что само противопоставление искусственного и естественного, реально существующего и выдуманного ныне вообще теряет смысл (популярная в наши дни идея «пост-правды»).

Е.О. Труфанова. Конструктивизм — термин многозначный, и попытки искать сходство и общность между, к примеру, математическим конструктивизмом, конструктивизмом как архитектурным стилем и эпистемологическим конструктивизмом вряд ли будут плодотворными. Но и в рамках философии разновидностей конструктивизма достаточно серьезно различаются. Показательно уже то, что в «Стэнфордской философской энциклопедии» [19] термин «конструктивизм» с различными видовыми определениями (социальный, расовый, политический, аристотелевский, юмовский, кантовский, дискурсивный, моральный и т.п.) встречается в десятках статей, но отдельная статья «Конструктивизм» отсутствует. Вероятно, систематизировать эту многозначность представляется делом слишком сложным и взяться за него никто не решается. Отечественные философы оказались немного смелее, и в «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» статья с таким названием присутствует [2], но, хотя в ней рассматриваются несколько разновидностей конструктивизма в эпистемологии и философии науки, исчерпывающей ее считать нельзя.

104

из мира, не «отражаем» реальность, но *конструируем* наши знания и, как следствие, конструируем познаваемые нами картины мира. Действующим началом этого конструирования в одних направлениях конструктивизма является индивидуальный субъект, в других — определенная социальная группа или даже обезличенная система общественных связей в целом. Конструктивизм часто противопоставляется реализму, признающему не только то, что вне нашего сознания лежит объективная реальность, но и нашу возможность эту реальность познать. Таким образом, дискуссии разных вариантов конструктивизма и разных вариантов реализма — это центральные дискуссии о познаваемости мира. Эти дискуссии, как верно отметил Владислав Александрович, крайне актуальны — они напрямую связаны с повседневной жизнью человека, особенно человека современной эпохи, характеризующейся информационным перенасыщением. Парадоксально, но увеличение объема доступной информации не расширяет возможности познания, а, напротив, даже усложняет его. Поэтому все чаще встречаются утверждения, что мы ничего на самом деле о мире не знаем, а все наши «знания» — это не более чем социальные конструкты — навязываемые нам обществом способы понимания мира и отдельных его явлений.

В.А. Лекторский. Человек появился как естественно-искусственное существо. Если бы его жизнь была подчинена чисто природным, в частности, биологическим законам, он должен был бы погибнуть, так как, в отличие от других существ, не обладает необходимым набором инстинктов, обеспечивающих выживание (не родится с умением ходить, плавать и т.д.). Но он не только не погиб, но сумел поставить себе на службу природные процессы. Это стало возможным потому, что человек создал культуру, то есть такую сферу реальности, которая в самой по себе природе не может возникнуть. Культура определяет надбиологическую программу человеческой жизнедеятельности [7]. В нее входят: орудия труда, язык, мифы, религия, искусство, научные теории, системы техники и технологии. В рамках культурных ценностных и смысловых систем создаются социальные институты и экономические структуры. Культура — продукт человека, нечто сделанное, сконструированное. Она повлияла и продолжает влиять на саму биологическую природу человека — на его генную систему и мозг (сегодня эти влияния стали предметом специальных исследований). Но главное воздействие культуры на человека не в этом: она определяет способы осмысления мира, нормы деятельности (что можно и что нельзя делать) и способы ее оценки. В этом отношении не только человек создал культуру, но и та создала самого человека и продолжает его создавать и пересоздавать.

При этом взаимоотношение найденного и созданного по-разному понималось в разных культурах и в разное историческое время.

**В.А. Лекторский,
Е.О. Труфанова**

*Конструктивизм
в эпистемологии
и науках
о человеке*

В античности резко противопоставлялись два рода процессов: естественные и искусственные. Считалось, что человеческая деятельность должна не нарушать космическую гармонию, а вписываться в нее. Создание разного рода технических приспособлений допускалось как некая вынужденная полезность, но оценивалось не слишком высоко: наивысшей формой жизни считалась вовсе не практическая активность, а жизнь теоретика-философа. При этом сама теория понималась не как создание какого-то (пусть идеального) *продукта*, а как особого рода *созерцание* мира объективных идей (слово «теория» и означает созерцание). В рамках такого миропонимания эксперимент как способ изучения природы был невозможен: ведь экспериментатор ставит естественные процессы в неестественные условия, вмешивается в ход природных процессов, меняет их — а с точки зрения античной культуры это означает их искажение.

Ситуация радикально изменилась в XVII веке, когда произошло то, что историки науки называют научной революцией. Это был мировоззренческий переворот. И он был связан, в числе прочего, и с новым представлением о взаимоотношении естественного и искусственного. Природа была истолкована как божественное произведение. Согласно этому миропониманию, человек — существо несовершенное, но он, как и все в мире, сотворен Богом, и в этом качестве человеческая деятельность не противостоит естественному порядку вещей, но соответствует ему. Новая наука стала понимать природу по аналогии с совершенным часовым механизмом. Для того, чтобы узнать, как работают часы, их нужно разобрать. Для того, чтобы проникнуть в тайны природных механизмов, нужно попытаться их размонтировать, создать новые условия для их деятельности. Это как раз и достигается в эксперименте. Так возникла экспериментальная наука, не похожая на ту описательную, которая была возможна в античное время. Исследовательская деятельность и деятельность техническая, ранее противопоставлявшиеся, начинают взаимодействовать и зависеть друг от друга. Да и сама теория стала выглядеть не как процесс созерцания неких исходных интуитивно ясных положений и дедуктивного разворачивания их следствий, как мыслилось в античности, а в качестве результата активного идеального экспериментирования с абстрактными объектами. Идеальный и реальный эксперимент были истолкованы как предполагающие друг друга. Реальный эксперимент невозможен без технических установок, то есть без работы техника, впоследствии инженера. Цель науки была понята как создание условий для того, чтобы поставить природные процессы под человеческий контроль, научиться управлять ими. Так возникла особая цивилизация, которую называют технологической или техногенной [7]. Так появилась мировоззренческая уста-

новка, которую можно считать проективно-конструктивной: стремление пересоздать природные явления, трансформировать их в интересах человека.

В XX веке эта установка получила необычайное развитие. Возникла идея «покорения природы», ее пересоздания. Эту идею хорошо выразил знаменитый советский селекционер И.В. Мичурин: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — вот наша задача». Было предпринято немало действий в русле этой установки. И были достигнуты немалые результаты. Как считал В.И. Вернадский, деятельность человека давно превратилась в самостоятельную геологическую силу, влияющую на природные процессы Земли. Но это влияние до некоторых пор было стихийным. Казалось, что теперь наступило время сознательного преобразования природы.

Эту проективно-конструктивную установку попытались реализовать также и в отношении социальной жизни. На это решились в Советском Союзе, исходя из определенной интерпретации идей К. Маркса о социализме как о рациональном, плановом управлении экономическими и иными социальными процессами. Идея тотального проектирования жизнедеятельности захватила умы ряда выдающихся интеллектуалов в нашей стране в первые годы после Октябрьской революции. На науки о человеке возлагалась задача создания нового человека. Искусство было понято многими как «жизнестроительство» — сотворение новых форм человеческой деятельности. В этом контексте возник ряд интересных идей, повлиявших на всю современную культуру: в теории организации («Тектология» А.А. Богданова), в психологии (Л.С. Выготский), в искусстве (конструктивизм в архитектуре, живописи, литературе).

Однако результаты реализации проективно-конструктивной установки в отношении как природных, так и социальных процессов оказались вовсе не такими, как предполагалось. Оказалось, что человек не может управлять природой извне, так как не стоит над ней, а является ее частью, включен в нее, и поэтому его воздействие на природные процессы имеет серьезные ограничения. То, что до некоторых пор взаимодействие общества и природы проходило без учета этого важнейшего обстоятельства, привело к глобальному экологическому кризису. Как результат возникло всемирное экологическое движение, пытающееся найти пути выхода из этого кризиса.

Попытки тотального социального проектирования тоже оказались несостоятельными. Выяснилось, что социальные процессы в ряде отношений являются неопределенными и непредсказуемыми, а человек не желает превратиться в полностью контролируемое существо. К тому же идея рационального общества была понята как предполагающая искоренение всего того, что мешает

**В.А. Лекторский,
Е.О. Труфанова**

*Конструктивизм
в эпистемологии
и науках
о человеке*

такой рациональности, — на практике это вело к массовым репрессиям. В итоге идеология социализма в его тоталитарной форме была дискредитирована.

В 1990-е годы многие мыслители объявили проективно-конструктивную установку в целом вредной и отжившей. Рекомендовалось наладить гармоничные отношения с природой, ограничить вмешательство в ее процессы и прекратить глобальные социальные преобразования, полагаясь на регулирующую роль социальной стихии: рынок в экономике, конкуренцию партий и движений в политике, неприкосновенную частную жизнь. Казалось, конструктивистский утопизм должен полностью уйти в прошлое.

Но в действительности этого не произошло. В наши дни проективно-конструктивная установка не просто оживает, но приобретает наиболее радикальную форму, превращаясь в полноценный конструктивизм как жизненную и культурную установку. Это связано с несколькими обстоятельствами.

Мировая цивилизация постепенно вступает в фазу так называемого «общества знания». Это значит, что производство знания (прежде всего научного) и его использование в виде новейших технологий начинает все больше определять социальные и межчеловеческие отношения. Возник феномен технонауки — тесного сращивания фундаментальных научных исследований с проектированием новых технологий. Появился комплекс так называемых «конвергентных» технологий НБИК (нано-, био-, информационных и когнитивных). Происходит взрыв в области когнитивных наук, в которые входят исследования в области искусственного интеллекта, нейронауки (исследование мозга) и др. Человек живет в окружающем его со всех сторон информационном мире: телевидение, Интернет, сотовая связь и т.д. В этой связи появился ряд идей, невозможных еще в недавнем прошлом. Вот некоторые из них.

Прежде всего, это идея радикального преобразования человека — как его тела, так и психики. Это не просто происходящие сегодня время от времени случаи смены гендерной идентичности. Генетики говорят о возможности в ближайшее время «редактировать» саму генную карту человека. Это значит, что можно будет по заказу создавать человеческие существа с заданными способностями. Некоторые специалисты в области когнитивных наук говорят о создании искусственного мозга, который будет неизмеримо превосходить естественный. Другие обсуждают способы перенесения психики человека в виде записанной информации на электронный носитель — это будет уже не человек, а «пост-человек», способный жить вечно — последний понимается как реализация вековой мечты о бессмертии [5]. В этой связи предлагается также искусственное воссоздание природных образований, начиная от атомов и молекул и кончая живыми существами, а также

сотворение таких физических и биологических форм, которые природа не может породить — о таком И.В. Мичурин не мог даже мечтать. Считается, что сами потребности людей можно будет конструировать, исходя из критерия их разумности. Поведение человека предлагают контролировать исходя из его же интересов, в частности, имея в виду защиту от возможных рисков. «Интернет вещей» поможет определить наиболее рациональный способ жизни с точки зрения поддержания здоровья. Как считают теоретики «трансгуманизма», будущее постчеловеческое существо, вооруженное научными технологиями, станет демиургом Вселенной, пересоздавая ее по свои планам и сознательно управляя процессом глобальной эволюции. Это понимается как «выход за пределы природных ограничений». В наши дни подобная новая утопия, по сравнению с которой старые социальные утопии, включая марксистскую, кажутся жалким лепетом, набирает все больше сторонников.

А теперь я остановлюсь на конструктивизме как на эпистемологической позиции. Между конструктивизмом как жизненной и культурной установкой и эпистемологическим конструктивизмом есть связь и сходство. Но есть и отличия. Попробую их показать.

Важную роль в развитии конструктивистского понимания познания сыграла высказанная в начале XVIII века идея итальянского философа Дж. Вико о том, что человек может иметь адекватное знание только о тех вещах, которые он сам построил [20]. Эта идея, конечно, была связана с возникновением проективно-конструктивной установки в культуре того времени. Вико исходил из мысли Аристотеля, что понять вещь означает узнать ее ближайшую причину. В рамках того понимания мира и человека, которое доминировало во времена Вико, считалось, что основная часть окружающего мира создана Богом и лишь какая-то сравнительно небольшая — самим человеком. Человек не может знать причинных действий Бога и потому не способен иметь полноценное знание о многих вещах. Но человек может сам создавать вещи, быть их причиной. И вот о таких произведенных им вещах он может иметь настоящее знание.

Е.О. Труфанова. Хочу добавить, что Вико приравнивал истину к факту, понимая слово «факт» дословно как что-то, что было сделано (*factum* — свершившееся, сделанное). Именно поэтому истинное знание у человека может быть только о том, что сделано им самим. Эту идею часто называют началом социального конструкционизма — одного из современных направлений конструктивизма.

В.А. Лекторский. Если соединить идею Вико (человек имеет адекватное знание о тех вещах, которые он сам построил) со ставшей популярной примерно в то же время мыслью Р. Декарта о том, что можно иметь неоспоримое знание не о внешнем мире, а только о состояниях собственного сознания («Мыслю, следовательно,

**В.А. Лекторский,
Е.О. Труфанова**

*Конструктивизм
в эпистемологии
и науках
о человеке*

существую»), то получится, что настоящим знанием являются те построения, которые не выходят за рамки самого сознания, и то, что мы привыкли называть «реальным миром», тоже не что иное, как такого рода конструкция. Так впервые возникла идея эпистемологического конструктивизма, автором которой был И. Кант.

Если первые эпистемологические конструктивисты (Кант, Фихте, Гегель, неокантианцы) считали, что создание познаваемой реальности происходит как бы «за спиной» эмпирических когнитивных агентов, то современные адепты этой позиции утверждают, что по крайней мере ученые сознательно производят конструкции реальности, когда вводят теоретические объекты, договариваются друг с другом о некоторых соглашениях (конвенциях), принимают определенные способы оценки теорий и т.д. При этом они могут делать это разным образом. Сегодня эпистемологический конструктивизм — это релятивизм.

В этой связи я хочу обратить внимание на одну особенность этой эпистемологической установки.

Создатель какого-то предмета (лопата, стол, стул, автомашина, микроскоп и т.д.) придает им те свойства, которые нужны для выполнения определенных задач. Ученый, конструирующий теоретические объекты, вкладывает в них известное содержание. Такие объекты, существующие не в реальном, независимом от познания мире, а лишь в интересубъективной сфере теоретического знания, никакого содержания, помимо того, которое было заложено в них их создателем, обнаружить не могут. Эту мысль можно пояснить примером. Допустим, писатель, рассказывая об обстановке в комнате героя, говорит, что где-то недалеко от персонажа стоит стул с коричневой спинкой — именно спинкой, других частей с того места, где находится персонаж, не видно. Если бы в реальной жизни такой стул стоял где-то недалеко от нас и мы бы от кого-то услышали о цвете его спинки, мы могли бы усомниться в том, насколько это утверждение верно и могли бы подойти к стулу, чтобы изучить его цвет. Вполне возможно, что в результате мы пришли бы к выводу, что спинка вовсе не коричневая, а темно-красная или темно-желтая. Но в случае чтения текста ничего подобного произойти не может: придуманный писателем стул будет иметь именно тот цвет, о котором написано. Так же, с точки зрения конструктивистов, обстоит дело и с теоретическими объектами. Их содержание определено актом их создания. Было бы нелепо думать, что можно найти какое-то такое знание о точечной массе или об идеально твердом теле, которое изначально не содержится в самом акте конструирования этих теоретических объектов.

Я хочу обратить внимание на то, что эпистемологический конструктивизм — это не просто интерпретация познавательной практики, но и определенная программа деятельности, влияющая на способы построения и развития теоретического знания и на методы оценки предлагаемых теорий.

Так, с точки зрения конструктивизма в философии математики (предполагающего, что математические объекты — результат человеческой деятельности) способы доказательства, использовавшиеся ранее в классической математике, неприемлемы и поэтому не может быть принят целый ряд доказанных в ней теорем.

Если принять идеи Фейерабенда относительно естественных наук, то нужно производить как можно больше разных теорий, выбор между которыми будет определяться не их большим или меньшим соответствием реальности, а разного рода вкусовыми соображениями ученых.

Особенно хорошо можно видеть влияние эпистемологического конструктивизма на практику исследований в современных науках о человеке — а конструктивистская установка сегодня проникла и туда.

Например, конструктивизм в исторических науках означает, что не существует прошлого помимо тех представлений о нем, которые создают изучающие его историки. Исторический факт — это конструкция историка, определенная тем, что исследователь считает важным и существенным, и тем, какую интерпретацию факту он дает: как устанавливает связи между разными событиями, как оценивает их влияние на последующий ход истории и т.д. Все это, считают конструктивисты, в конечном счете, зависит от включенности историка в ту или иную культуру, от разделяемой им идеологии, от его личных предпочтений. Ясно, что такая позиция исключает возможность обнаружить исторические законы и делает бессмысленными дискуссии о том, какое описание событий является более адекватным. Но при подобном подходе историю нельзя считать наукой, ибо она в принципиальном отношении перестает отличаться от рассказывания сказок, которые оцениваются с точки зрения не их истинности, а занимательности, поучительности и т.д.

В некоторых психологических кругах сегодня стал модным социальный конструкционизм. Эта разновидность эпистемологического конструктивизма, как и всякий конструктивизм, исходит из того, что теории, которые психолог строит об изучаемом им объекте (теории личности, мышления, эмоций, памяти, взаимоотношения сознательных и бессознательных процессов и т.д.), задают саму исследуемую реальность психической жизни и говорить о ней независимо от этих теоретических конструктов бессмысленно. При этом социальный конструкционизм считает, что теории не сочиняются произвольно отдельными исследователями, а во многом определены разделяемой ими культурой и идеологией [13]. Однако социальный конструкционизм обладает определенной спецификой, отличающей его от других разновидностей конструктивистской установки в эпистемологии.

Е.О. Труфанова. Мне кажется, стоит прояснить отличие социального конструкционизма не только от конструктивизма вообще, но и от так называемого социального *конструктивизма*.

Во-первых, источником социального конструктивизма является, прежде всего, работа П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности» [11], в то время как социальный конструкционизм имеет к ней лишь косвенное отношение. Социальный конструктивизм Бергера и Лукмана генетически связан в первую очередь с феноменологической социологией, тогда как социальный конструкционизм — с социологией научного знания, нео- и постмарксизмом и постмодернизмом. Социальный конструктивизм ориентирован на субъекта в его взаимодействии с социальной реальностью, а приверженцев социального конструкционизма интересует влияние социальной реальности на познание субъектом реальности в целом. При этом в качестве субъекта часто выступает не индивид, а социальная группа. Социальный конструктивизм и социальный конструкционизм объединяют представления о сконструированной и социальной природе знания, о знании как исторически обусловленной интерпретации, порожденной лингвистически и конвенционально [9]. Если же попытаться кратко сформулировать различие между социальным конструкционизмом и социальным конструктивизмом, то в первом случае основной акцент будет делаться на слове *социальный*, а во втором — на слове *конструктивизм*. В социальном конструктивизме индивидуальный субъект более активен, акцентируется роль отдельных субъектов в построении социальной реальности и взаимодействии с ней. А в социальном конструкционизме главная роль отводится влиянию социокультурных и языковых сообществ на процесс получения и экспликации знания, индивид же рассматривается как пассивно погруженный в мир социальных конструкций, так что само понятие субъекта становится проблематичным. Наконец, если в конструктивизме акцент сделан на конструктивную *деятельность* познающего субъекта, то конструкционизм обращает внимание в первую очередь на сами социальные *конструкции*, способы их функционирования в обществе и на их влияние на познание.

Во-вторых, следует принять во внимание мнение тех авторов, которые сами причисляют себя именно к социальным конструкционистам, сознательно отмежевываясь от конструктивизма. На названии «конструкционизм», а не «конструктивизм» настаивает американский психолог Кеннет Герген, которого часто называют «основателем» социально-конструкционистского подхода. Его обоснование такого различия связано с тем, что термин «конструктивизм» в психологии — а сам Герген прежде всего социальный психолог — тесно связан с психологической концепцией Жана Пиаже, с которой социальный конструкционизм не имеет практически ничего общего [15]. Ключевыми авторами, ассоциирующими себя или выражающими симпатии к разным формам социального конструкционизма являются преимущественно представители англо-американской философии

и социогуманитарных наук: К. Герген, М. Герген, Дж. Шоттер, Р. Харре, Й. Паркер и др. Близки к социальному конструкционизму также представители дискурсивной психологии Дж. Поттер, М. Уэзерелл, Д. Эдвардс, М. Биллиг. Отдельно можно упомянуть ряд представителей феминистской философии, которую часто рассматривают как одну из разновидностей социального конструкционизма, — Д. Харауэй, С. Хардинг, Дж. Батлер, И.Ф. Келлер и др. Это далеко не исчерпывающий список исследователей, ассоциированных с социальным конструкционизмом, который в 1980–1990-е годы был определенным модным «трендом» в англоязычных социогуманитарных исследованиях, но наиболее заметные авторы здесь упомянуты.

Также не следует смешивать социальный конструкционизм с эпистемологическим конструктивизмом. Хотя конструкционизм и принято относить к конструктивистскому подходу, тем не менее он существенно отличается как от кантовского конструктивизма, так и от так называемого радикального конструктивизма Э. фон Глазерсфельда, П. Вацлавика, Ф. Варелы, У. Матураны и др.

Центральным различием между социальным конструкционизмом и прочими разновидностями конструктивизма является статус субъекта в данных концепциях. Для конструктивизма (в том числе и социального конструктивизма) индивидуальный субъект играет центральную роль — именно от его активности, познавательной и социальной, зависит то, *каким* познается мир, как категоризируется получаемая от органов чувств информация, как строятся разные картины мира. Конструктивизму в конечном счете присущ субъективизм: именно субъект создает индивидуальные конструкты в своем познании, тогда как социальный конструкционизм направлен в первую очередь именно против субъективизма. В социальном конструкционизме главным агентом конструирования становится общество, система социальных отношений и коммуникаций, подчиняющая себе индивидуального субъекта и растворяющая его в себе, поэтому ни о каких индивидуальных конструктах в познании речи быть не может.

В социальном конструкционизме по сравнению с другими видами конструктивизма усиливается акцент на языковой и культурно-исторической составляющей в мышлении и утверждается, что нас должны интересовать не объекты окружающего мира или феномены нашего внутреннего мира, а язык, дискурс, культурно-исторические практики и связанные с ними социальные интеракции. То, что мы называем познанием мира, с этой точки зрения становится не более чем анализом дискурсов, способов описания мира, возникающих в различных социальных взаимодействиях. Отмечая свое согласие с некоторыми идеями конструктивизма (прежде всего с его противопоставленностью реализму), конструкционисты критикуют его, в частности, за акцентирование

**В.А. Лекторский,
Е.О. Труфанова**

*Конструктивизм
в эпистемологии
и науках
о человеке*

роли индивидуального субъекта и индивидуальных конструктов в построении образа мира, в то время как сами они акцентируют доминирующую роль сообществ и дискурсов.

В качестве точки отсчета появления социального конструкционизма часто упоминается статья Гергена «Социальная психология как история» (1973) [14], ставшая своего рода манифестом реформирования исследований в области социальной психологии. В ней Герген критикует физиологический редукционизм, которому подвержена социальная психология, и утверждает, что социальная психология не может и не должна создавать фундаментальных законов подобно естественным наукам, поскольку объективное исследование в ее рамках невозможно: оно всегда зависит как от ценностных установок исследователя, так и от объекта исследования — индивида или социальной группы, которые изменяют свое поведение в зависимости от предъявляемых им исследователем ожиданий. Он подчеркивает, что социальная психология пытается претендовать на фундаментальность, тогда как она должна быть прикладной наукой, исследующей конкретные исторические обстоятельства «производства» психологического «знания». Он показывает, что любое исследование зависит напрямую от исторического контекста и делает вывод: социально-психологическое исследование является не чем иным, как систематическим исследованием современной истории. Герген отмечает, что конструкционистская критика направлена против засилья позитивизма и эмпиризма в науке, в особенности в психологии [13].

Так, для конструкционистов психология перестает быть наукой, поскольку в ней невозможен не только «чистый» эксперимент (испытуемые подстраиваются под ожидания исследователя и результаты психологических тестов становятся невалидными), но и теория (выделяемые психологией «объекты» являются контекстно-зависимыми, временными и, следовательно, не могут служить основой какой-либо теории). Из науки психология превращается в представлениях конструкционистов в определенную социальную практику.

Начав с критики психологической науки, Герген и его сторонники распространяют социально-конструкционистский подход как универсальный критический метод на науку и познание в целом, выходя, таким образом, за рамки психологии в сферу эпистемологии и философии науки. Это провоцирует бурные споры сторонников нового подхода и его противников, в частности, так называемые «научные войны» — дискуссии, в которых социальный конструкционизм оказывается на стороне антиреализма и релятивизма по отношению к научному знанию. Подобная позиция социального конструкционизма относится не только к пониманию науки — она распространяется и на отношение к проблеме индивидуального субъекта познания как такового: реальность автономного субъекта ставится под сомнение.

В.А. Лекторский. Проективный конструктивизм как культурная установка нацелен на преобразование объективно существующего внешнего мира, а в наши дни также и самого человека — его тела и мозга. Продукты такого рода конструирования существуют объективно-реально, независимо от их осознания и познания. Эпистемологический конструктивизм — это установка на понимание продуктов познавательной деятельности как идеальных конструкций, существующих исключительно в рамках индивидуального или коллективного сознания и не имеющих отношения к внешней реальности. Эти две установки, как я пытался показать, имеют во многом общие исторические корни, но, как можно видеть, они различаются между собой. Можно быть сторонником радикальной трансформации мира, участвовать в проекте создания «пост-человека» и в то же время быть в эпистемологии не конструктивистом, а реалистом. Возможно и занимать конструктивистскую позицию в эпистемологии при безразличном отношении к проектам радикальной трансформации внешней среды или даже отрицать возможность таких проектов. В этой связи социальный конструкционизм в психологии и других науках о человеке занимает особое место: сторонники этой позиции считают, что исследователь не просто конструирует теоретические объекты, не имеющие отношения к познанию реальности, но также при экспериментировании трансформирует саму реальность, подстраивая ее под свои теории. Но если дело обстоит так, как утверждают социальные конструкционисты, то в психологии и других науках о человеке настоящие теории и эксперименты невозможны. Но, значит, невозможны и сами эти науки. И сторонники такой позиции утверждают, что при исследовании человека имеет место не получение знания, а создание некоей новой социальной реальности, поэтому те, кто работает в этой области, в действительности являются не учеными, а своего рода практиками, имеющими дело с конструированием разных типов личностей.

Е.О. Труфанова. Действительно, социальный конструкционизм предлагает весьма специфический подход к таким проблемам, как субъект, знание, наука, реальность, истина, задавая новую парадигму понимания эпистемологии. Ранее я уже подробно демонстрировала слабые стороны подобного понимания [8], сейчас остановлюсь лишь на одном ключевом моменте. Социальный конструкционизм делает акцент на языково-опосредованном социальном конструировании, то есть мы конструируем мир благодаря тем словам, которыми его описываем. В итоге конструкционисты перестают замечать разницу между различными дискурсами (способами описания мира) и тем миром, о котором эти дискурсы говорят. Возникает ситуация «разрыва» между реальным миром и миром социальных конструкций, представление, что то, что мы считаем реальностью, на самом деле является набором социальных конструкций, а «подлинная» реальность нашему

**В.А. Лекторский,
Е.О. Труфанова**

*Конструктивизм
в эпистемологии
и науках
о человеке*

познанию недоступна. Следовательно, видоизменяя социальные конструкции, мы можем трансформировать свою «реальность». Так, социальный конструкционизм смешивает воедино социальные институты, абстрактные понятия и социальные смыслы объектов материального мира, полагая, что изменить реальность так же легко, как отредактировать предложение в тексте, и отказываясь признавать, что не все в мире может быть изменено по нашей прихоти, что есть реальность, внеположная нашим социальным конструкциям. В этом смешении и содержатся одновременно и главный соблазн, и главная опасность социального конструкционизма. Соблазн состоит в том, что мир с такой точки зрения мнится полностью подвластным человеку: чтобы изменить его достаточно просто поменять слова, заключить внутри сообщества другие договоренности, которые сделают мир лучше и справедливее. Однако отказываясь признавать независимую, объективную реальность чего-либо, мы теряем необходимую точку опоры, без которой согласие между разными социальными группами невозможно. Ведь если каждое сообщество, каждая культура создает свои собственные социальные конструкции, которые никак не согласуются с внешним миром, то на каких основаниях мы будем искать точки пересечения с представителями других культур, как мы сможем прийти к взаимопониманию? Социальный конструкционизм претендует на то, что он отстаивает демократические принципы, борется за равенство взглядов на мир всех социальных групп, как доминирующих, так и маргинальных, но, как представляется, он заводит ситуацию в неразрешимый тупик и выйти из него возможно, только если мы займем реалистскую позицию.

Однако исследования социальных конструкционистов не бессмысленны. Социальный конструкционизм имеет дело с современными проблемами, которые возникают именно сейчас, в эпоху доминирования информационных технологий, эпоху, аналогичной которой не было ранее. Ценность социального конструкционизма в том, что он отзывается на актуальные проблемы, на те вызовы, которые современность бросает классическим представлениям. А тот факт, что среди конструкционистов мало профессиональных философов, во-первых, позволяет бросить некий новый взгляд «со стороны» на классические философские проблемы, а во-вторых, придает рассматриваемым проблемам междисциплинарный ракурс. Наконец, некоторые исследователи прямо определяют социальный конструкционизм как особого рода *теорию познания*, которая фокусируется не на том, как познается окружающий мир, а на том, как формируются значения, с помощью которых мы описываем мир [17]. Потому социальный конструкционизм несомненно интересен не только для современной философии, но и для всех наук о человеке, которым он бросает вызов. Ответ на этот вызов должен стать одной из главных задач современных гуманитарных исследований.

В.А. Лекторский. Конструктивизм во всех его разновидностях — это активистская программа контролирования человеком внешнего мира. Не окружение диктует способы жизни человека, а он сам определяет, какой будет его среда, ибо трансформирует ее в соответствии со своими нуждами и целями. Не мир определяет, каковы должны быть научные теории о нем, сам этот мир создается такими теориями. Конструктивизм считает себя единственно адекватным пониманием изначальной человеческой свободы и последовательным способом ее реализации.

Вопрос из зала. Вы считаете, что конструктивистская установка верна и современные проблемы познания действительно можно решить с ее помощью?

В.А. Лекторский. Как сегодня становится все более ясно, мир в действительности является не совокупностью отдельных самостоятельных и взаимодействующих процессов (из чего наука исходила до недавних пор), а взаимоотношением сложно организованных и саморазвивающихся систем. Переход одной такой системы в другую происходит по одному из нескольких возможных сценариев, при этом осуществление того или иного из них во многом определяется случайными факторами и какой именно сценарий будет реализован, заранее предвидеть нельзя. В условиях стабильности таких систем можно более или менее точно предсказывать результаты человеческих воздействий. Но при приближении к «точкам бифуркации» (точкам перехода одной системы в другую) прогнозы становятся ненадежными. Это означает, что действительность (природная, социальная и человеческая) устроена так, что она ставит серьезные ограничения на пути ее трансформации и свободного экспериментирования с ней. Полного человеческого контроля над миром не получается и получить не может [6].

Я хочу обратить внимание также на то, что в связи с развитием новейших информационных технологий жизнь человека не стала более определенной и предсказуемой. Напротив, ее неопределенность достигла невиданных масштабов, при этом во многом как раз благодаря самим этим технологиям: переварить огромное количество различной и нередко взаимоисключающей информации невозможно, увеличивается хаотизация мировых процессов, современный человек живет в мире постоянно растущих рисков и опасностей. Делаются попытки контролировать риски, и это необходимо, но избежать рисков в любом случае невозможно, а их количество неуклонно растет. В стародавние времена, когда о проективно-конструктивной установке никто не задумывался, жизнь была гораздо проще, стабильнее и более предсказуема. Человек знал, что он будет жить примерно так же, как жили его родители и родители его родителей. Было ясно, что хорошо и что плохо, как нужно вести себя в той или иной ситуации. Сегодня все это оказалось под вопросом. Современный человек не только

**В.А. Лекторский,
Е.О. Труфанова**

*Конструктивизм
в эпистемологии
и науках
о человеке*

не уверен в результатах своих действий в окружающем его мире, он не определен в самом себе: кем именно он является, какой системы ценностей нужно придерживаться — известный феномен кризиса идентичности, широко обсуждаемый ныне философами, психологами, социологами.

Сегодня стала популярной идея, что выход из ситуации растущей неопределенности может и должен быть найден через развитие информационных технологий и создание «электронного» («цифрового») общества и «электронного» («цифрового») человека.

Но ведь полный контроль над неопределенностью недостижим. Никакой искусственный интеллект не в состоянии преодолеть эту неопределенность. Дело не в человеке и в ограниченных возможностях его мозга. Если допустить, что роботы, управляемые искусственным интеллектом, действуют самостоятельно, без человека, они все равно в этих случаях не смогут избежать неопределенности результатов своих действий.

Если человек доверит контроль над своим поведением некоей управляющей инстанции, а заботу о собственном здоровье «Интернету вещей», он перестанет быть автором своих поступков и даже хозяином собственного тела. Иными словами, проективно-конструктивная установка, мыслимая как выражение свободы человека, как реализация его возможностей контролировать окружающий мир, при своей радикализации приводит к утрате этой свободы: человек становится рабом созданной им техносферы.

Наконец, предположим, что человек (а точнее, «пост-человек») обрел бессмертие при помощи переноса информации о его психике на цифровой носитель. На самом деле это невозможно, но я отвлекаюсь сейчас от этого обстоятельства ради проведения некоего мысленного эксперимента. Если бы это было осуществимо, это означало бы убийство (или самоубийство) человека, ибо у пост-человеческого существа отсутствовали бы фундаментальные качества, которые делают человека человеком: мужество, готовность к самопожертвованию ради высших ценностей, любовь. Все эти качества связаны с такими поступками, которые предполагают возможность гибели. Если теряет смысл смерть, то теряет смысл и жизнь.

Человек, не способный принимать самостоятельные, то есть свободные решения, не является человеком. А свобода необходимо предполагает неопределенность, незапрограммированность результата действия. Неопределенность — это риск. Поэтому без риска и неопределенности человека нет. Другое дело, что нельзя мириться с такими рисками, которые несут угрозу жизни человека и человечества. Нужно пытаться их контролировать (хотя все контролировать невозможно). И для этого нужны соответствующие технические устройства.

Поэтому речь идет не об отказе от проективно-конструктивной установки. Сегодня без нее невозможен человек и его будущее. Речь идет о другом: любой проект предполагает его обоснование, то есть знание о том, что действие *A* необходимо влечет следствие *B*. Иными словами, создание чего-то нового невозможно без знания зависимостей того мира, который собираются трансформировать, без знания того, что можно и что нельзя изменить, что возможно и что невозможно предвидеть и как следует осуществлять сам процесс трансформирования.

Сегодня субъективистская установка, доминировавшая в европейской эпистемологии и философии науки на протяжении почти трехсот лет, постепенно сходит на нет, уступая место разным вариантам эпистемологического реализма. Дело в том, что эпистемологический конструктивизм оказался не в состоянии понять ряд важных особенностей познания вообще и научного познания в частности и сформулировать успешную программу исследовательской деятельности. Например, в рамках конструктивистской философии науки не проводится различия между разными типами теоретических объектов. С этой точки зрения все они приравниваются к идеальным конструкциям вроде «точечной массы» или «идеально твердого тела», для которых существование реальных референтов заведомо исключено. Между тем в теории всегда допускаются и объекты совершенно иного рода — ученые убеждены в существовании их реальных референтов. В физике это пространство и время, атомы, элементарные частицы и др. Если об идеализированных, фиктивных объектах вроде «точечной массы» нельзя получить никакого нового знания сверх того, которое было заложено самим актом их конструирования, то об объектах, реальное существование которых теоретически предположено, можно такое знание получать, строить о них новые теории, уточнять имеющееся знание, отказываться от некоторых старых представлений и т.д. Так, например, происходило и происходит с представлениями о структуре атома, об элементарных частицах. Характеристики этих частиц можно экспериментально измерять и получать таким образом новое знание. Ситуация в этом случае сходна с той, которая существует в отношении реальных объектов опыта. Бессмысленно оспаривать описание цвета стула, о котором говорит автор художественного текста. Но можно уточнить представление о цвете стула, если с последним приходится иметь дело в жизни. Таким образом, практика работы исследователя с идеализированными теоретическими объектами и с теми из них, которые имеют реальных референтов, различна. Это важнейшее обстоятельство невозможно понять с точки зрения эпистемологического конструктивизма.

Научная теория проверяется экспериментом, а он может подтвердить или не подтвердить теоретические построения и всегда может преподнести неожиданные результаты. Конечно, в экспе-

Социальные конструкционисты делают последовательный вывод из занимаемой ими позиции: науки о человеке (в частности, психология, которой они непосредственно занимаются),

якобы, невозможны. Но ведь эти науки реально существуют и развиваются. Конечно, в случае экспериментов с человеком между экспериментатором и экспериментируемым устанавливается коммуникативная связь и исследователь действительно может повлиять (обычно неосознанно) на изучаемого им человека. Однако существуют методы, позволяющие блокировать такого рода нежелательные воздействия в ходе эксперимента, и эти методы успешно используются. Нельзя успешно взаимодействовать с другими, если человек руководствуется внушенными ему в ходе психологического эксперимента ложными представлениями о нем и о его прошлом. Ведь он не живет на необитаемом острове, и участие в событиях реальной жизни рано или поздно заставит его пересмотреть ложную «Я-концепцию», а другие расскажут, что с ним действительно происходило в прошлом.

А теперь о виртуальной реальности в современной жизни. Мы все живем в этой реальности, которая после появления телевидения, Интернета и сотовой связи проникает всюду и во многом определяет наше социальное бытие. Это создает огромные возможности для человеческого развития. И это же рождает новые проблемы: нередко невозможность отличить истину от лжи, укрыться от информационных (дезинформационных) войн. Усиленно навязываемая сегодня идея о том, что невозможно и бессмысленно различать искусственное и естественное, выдумку и правду, вовсе не безобидна. Дело в том, что «пост-правда», которой нас окружают, — способ манипуляции человеком. Автономная личность, которая сама отвечает за свои поступки, нуждается именно в правде, в истине, в получении знания о реальности, о том, что происходит на самом деле. Разговоры о том, что все в мире сконструировано, — это способ дезориентировать человека и блокировать его социальную активность. На самом деле есть возможности оценивать информацию с точки зрения ее правдивости и надежности. Если бы дело обстояло иначе, человек был бы обречен на полную деградацию.

Человек не является «космической плесенью». Он творит новый уровень реальности и создает самого себя. Но он не demiург Вселенной. Его деятельность вписана в Космос и в процесс глобальной эволюции.

Литература

1. Гибсон Дж.Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988.
2. Касавин И.Т. Конструктивизм // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, 2009. С. 373–377.
3. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.
4. Лекторский В.А. Возможно ли пост-человеческое будущее? // Лекторский В.А. Философия, познание, культура. М.: Канон+, 2012. С. 119–124.

**В.А. Лекторский,
Е.О. Труфанова**

*Конструктивизм
в эпистемологии
и науках
о человеке*

6. *Степин В.С.* Теоретическое знание: Структура и историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

8. Труфанова Е.О. Субъект и познание в мире социальных конструкций. М.: Канон+, 2018.

10. Фейерабенд П. Против метода: Очерк анархической теории познания. М.: АСТ, 2007.

12. Clark A. Being There. Putting Brain, Body and World Together Again. Cambridge (Mass): The Mitt Press, 1997.

14. Gergen K.J. Social psychology as history // Journal of Personality and Social Psychology. 1973. Vol. 26. N 2. P. 309–320.

16. *Lektorski V.A.* Realism as the Methodological Strategy in the Cognitive Science // *Varieties of Scientific Realism: Objectivity and Truth in Science*. Cham: Springer, 2017. P. 353–366.

18. Noe A. *Action in Perception*. Cambridge (Mass). The MIT Press, 2004.

20. *Vico G. On the Most Ancient Wisdom of the Italians: Unearthed from the Origins of the Latin Language* / transl. by L.M. Palmer. Ithaca: Cornell UP, 1988.

Vladislav A. Lektorsky

DSc in Philosophy, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow at the RAS Institute of Philosophy. 12/1 Goncharyaya Str., Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: v.a.lektorski@gmail.com

Elena O. Trufanova

DSc in Philosophy, Leading Research Fellow at the RAS Institute of Philosophy.
12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation; e-mail:
eltrufanova@gmail.com

122

the constructivist philosophy of scientific knowledge in particular. The following thesis is substantiated: a complete control by the human being over the world is impossible, and realizing of the radical constructivism as life and cultural attitude is not a triumph of human freedom, but rather its loss. Epistemological constructivism is not a true interpretation of cognition and cannot be a fruitful strategy in science. The authors defend the position of constructive realism as a life, cultural and cognitive attitude.

Keywords: constructivism, realism, constructive realism, social constructionism, virtual reality, post-human being, epistemology, philosophy of science

For citation: Lektorsky V. A., Trufanova E. O. Constructivism in epistemology and in the human sciences. *Chelovek*, 2019, Vol. 30, N 1, pp. 102–124. DOI: 10.31857/S023620070003025-4

**В.А. Лекторский,
Е.О. Труфанова**

Конструктивизм
в эпистемологии
и науках
о человеке

References

1. Gibson J.J. *Ekologicheskiy podhod k zritel'nomu vospriyatiyu* [The Ecological Approach To Visual Perception]. Moscow: Progress Publ., 1988.
2. Kasavin I.T. Konstruktivizm [Constructivism]. *Entsiclopediya epistemologii i filosofii nauki* [Epistemology & Philosophy of Science]. Moscow: Kanon+ Publ., 2009. P. 373–377.
3. Kuhn Th. *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow: Progress Publ., 1975.
4. Lektorskii V.A. Vozmozhno li post-chelovecheskoe budushchee? [Is Post-Human Future Possible?]. *Filosofiya, poznanie, kul'tura* [The Philosophy, The Cognition, The Culture]. Moscow: Kanon+ Publ., 2012. P. 119–124.
5. Lektorskii V.A. Realizm, anti-realizm, konstruktivizm i konstruktivnyy realizm v sovremennoy epistemologii i nauke [Realism, Anti-realism, Constructivism and Constructive Realism in Contemporary Epistemology and Science]. *Konstruktivistskiy podhod v epistemologii i naukakh o cheloveke* [Constructivist Approach in the Epistemology and Human Studies]. Moscow: Kanon+ Publ., 2009. P. 5–40.
6. Stepin V.S. *Teoreticheskoe znanie. Struktura i istoricheskaya evolyutsiya* [Theoretical Knowledge: its Structure and Historical Evolution]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2000.
7. Stepin V.S. *Tsivilizatsiya i kul'tura* [Civilisation and Culture]. St. Petersburg: SPbGUP, 2011.
8. Trufanova E.O. *Sub'ekt i poznanie v mire sotsial'nykh konstruktsov* [A Knower in the Universe of Social Constructions]. Moscow: Kanon+ Publ., 2018.
9. Ulanovskiy A.M. Konstruktivistskaya paradigma v gumanitarnykh naukakh [Constructivist paradigm in the humanities]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science]. 2006. N 4. P. 129–141.
10. Feyerabend P. *Protiv metoda: Ocherk anarhicheskoy teorii poznaniya* [Against Method: Outline of an anarchistic theory of knowledge]. Moscow: AST Publ., 2007.
11. Berger P.L., Luckman T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. N.Y.: Anchor Books, 1966.
12. Clark A. *Being There. Putting Brain, Body and World Together Again*. Cambridge (Mass): The Mitt Press, 1997.

13. Gergen K.J. *Social Construction in Context*. L.: SAGE, 2001.
14. Gergen K.J. Social psychology as history. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1973. Vol. 26. N 2. P. 309–320.
15. Gergen K.J. The social constructionist movement in modern psychology. *American Psychologist*. 1985. N 40. P. 266–275.
16. Lektorski V.A. Realism as the Methodological Strategy in the Cognitive Science. *Varieties of Scientific Realism: Objectivity and Truth in Science*. Cham: Springer, 2017. P. 353–366.
17. Marecek J., Crawford M., Popp D. On the Construction of Gender, Sex, and Sexualities. *The Psychology of Gender*. N.Y., 2000. P. 192–216.
18. Noe A. *Action in Perception*. Cambridge (Mass). The MIT Press, 2004.
19. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. URL: <https://plato.stanford.edu/> (accessed on 30.07.2018).
20. Vico G. *On the Most Ancient Wisdom of the Italians: Unearthed from the Origins of the Latin Language*, transl. by L.M. Palmer. Ithaca: Cornell UP, 1988.